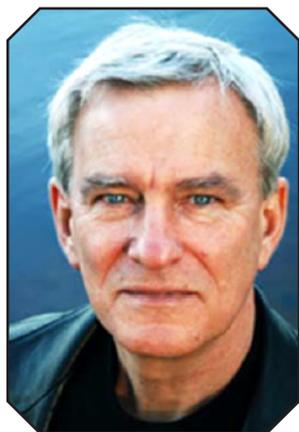

НОВЫЕ ТЕКСТЫ

Д. Старк, Б. Ведреш

Политические пустоты в хозяйстве: деловая сеть партийных предприятий в Венгрии

СТАРК Дэвид (Stark, David) — профессор социологии и международных отношений им. Артура Лемана, директор Центра организационных инноваций, Колумбийский университет (Нью-Йорк, США).

Email: dcs36@columbia.edu

Исследования взаимодействий бизнеса и политики показывают, что деловые связи влияют на политическое поведение. В данной статье внимание переключается с вопроса о том, как деловые связи воздействуют на политику, на проблему влияния политических связей на бизнес. Говоря более конкретно, речь идёт о том, переносится ли структурирование политического поля на структурирование поля деловых сетей. Для изучения совместной эволюции политического и делового полей мы проводим исторический сетевой анализ взаимоотношений между связями типа предприятие—партия и связями типа предприятие—предприятие в хозяйстве Венгрии. Мы создали базу данных всех высших менеджеров и членов советов директоров 1696 крупнейших корпораций и полный список всех политических должностных лиц за 1987–2001 гг. Результаты наших интервью и моделей диадической логистической регрессии показывают, что переплетение директоратов в существенной степени зависит от политической принадлежности их членов. Несмотря на то что экономическое и политическое поля институционально разделены, предприятия и партии оказываются организационно связанными. Предприятия как правой, так и левой политической ориентации предпочитают партнёров из числа предприятий того же политического лагеря, всё чаще избегая контактов с фирмами противоположного лагеря. Наш исторический анализ показывает, что политические лагеря в хозяйстве Венгрии являются не прямым наследием государственного социализма, а, скорее, следствием борьбы партий за электорат.

Ключевые слова: переплетённые директораты; политические пустоты; исторический сетевой анализ; организационные изменения.

Введение

Политика и бизнес переплетены в любом капиталистическом хозяйстве. Будучи неотъемлемой и важной чертой политической экономии современного

¹ Исследование, на основе которого была написана эта статья, было поддержано грантом Национального научного фонда (National Science Foundation) № 0616802. Мы приняли порядок упоминания авторов в серии статей на основе нашего более обширного проекта, посвящённого историческому сетевому анализу. Мы благодарны Питеру Берману (Peter Bearman), Ласло Брусту (Laszlo Bruszt), Иштвану Габору (Istvan Gabor), Моник Жирар (Monique Girard), Марку Мизраки (Mark Mizruchi), Филипу Шмиттеру (Philip Schmitter), Роджеру Шенманну (Roger Schoenmann) и Харрисону Уайту (Harrison White) за их комментарии, критику и предложения. Мы признательны Институту изучения обществ Макса Планка в Кёльне (Max Planck Institute for the Study of Societies), где Дэвид Старк находился в качестве приглашённого исследователя во время подготовки рукописи. Адрес для корреспонденции с Дэвидом Старком: Department of Sociology, Columbia University, Knox Hall, 606 W. 122nd Street, New York, NY 10027. — *Здесь и далее примеч. авторов.*

ВЕДРЕШ Балаш (Vedres, Balazs) — профессор социологии, директор Центра сетевых исследований, Центральный европейский университет (Будапешт, Венгрия).

Email: vedresb@ceu.hu

Перевод с англ.
Александра Куракина

Источник: Stark D., Vedres B. Forthcoming. Political Holes in the Economy: The Business Network of Partisan Firms in Hungary. *American Sociological Review*.

капитализма, анализ связей, соединяющих эти поля, является основной составляющей исследований, проводимых на пересечении социологии политики и экономической социологии. Как показали социологи, деловые сети в определённой степени объясняют политические действия хозяйственных организаций [Burriss 2001; 2005; Davis, Greve 1997; Mizruchi 1989; 1990a; 1990b; 2007]. Мы расширяем эту теоретическую рамку постановкой нового вопроса: как структура связей, соединяющая поля политики и бизнеса, формирует структуру сетевых связей внутри поля бизнеса? Другими словами, становятся ли границы в рамках политического поля границами в рамках поля деловых сетей?

Чтобы исследовать политическую поляризацию деловых сетей, мы изучили историческую совместную эволюцию поля политических партий и поля деловых сетей в Венгрии. Наш случай подразумевает одновременные процессы маркетизации и демократизации, в результате которых рыночно ориентированные предприятия и конкурирующие политические партии образовали своего рода тандем. Мы начинаем свой анализ с 1987 г., чтобы уловить первые признаки появления таких корпоративных и политических образований, и заканчиваем 2001 г., чтобы охватить всю эпоху экономических и политических трансформаций.

Для анализа совместной эволюции экономического и политического полей в Венгрии мы создали обширную базу данных, которая включает полный список связей между сотрудниками организаций и позволяет тем самым выявить структуру перекрёстных директоратов между предприятиями и политические альянсы между предприятиями и партиями. Со стороны бизнеса мы составили список экономических должностных лиц в хозяйственных организациях Венгрии, включающий всех высших менеджеров и членов советов директоров и наблюдательных советов 1696 крупнейших предприятий страны за весь 15-летний период. Со стороны политической сферы мы составили список политических должностных лиц Венгрии, включающий фамилии и партийную принадлежность всех министров и выборных политиков, начиная с премьер-министра и членов парламента и заканчивая мэрами городов. Объединив эти базы данных, мы получили возможность определить, имеет ли то или иное предприятие среди своих должностных лиц политического деятеля. Эти связи на уровне высшего персонала позволяют определить политическую принадлежность предприятия и регистрировать все изменения в его партийной принадлежности за весь рассматриваемый период.

В течение рассматриваемого периода хозяйство Венгрии твёрдо встало на рыночные рельсы, возникла открытая конкуренция между предприятиями за капитал, труд, поставщиков и покупателей. В свою очередь, венгерская политическая система была успешно демократизирована, возникла открытая конкуренция между партиями в рамках демократической системы выборов, когда правящие партии терпели поражение в каждом парламентских выборах в 1990, 1994 и 1998 гг.

То, что к 2001 г. Венгрия была демократической страной с рыночной экономикой, важно для выбора нашего кейса. Поскольку наши данные охва-

тывают начальный период трансформации от монополизма одной партии к состязанию политических партий и от плановой экономики к рыночной, а также позднейший период укрепления рыночной и демократической систем, мы можем проверить конкурирующие теории о взаимоотношении бизнеса и политики в постсоциалистической среде. Одна из теорий рассматривает связи предприятий и партий (наличие политиков в советах директоров) через призму наследия государственного социализма. Примерами исследований в рамках такого подхода с точки зрения «наследия социализма» являются теория Старка о «рекомбинантной собственности», концепция Старка и Бруста о «зависимости от ранее избранного пути» во взаимоотношениях между политической и экономической трансформациями и исследование Эйяла, Селеньи и Таунсли, посвящённое конвертации государственной власти в экономическую [Stark 1996; Stark, Bruszt 1998; Eyal, Szelenyi, Townsley 1998]. При таком подходе политизация руководства предприятий должна быть наиболее характерна именно для раннего периода трансформации. Впоследствии такая форма руководства и любое другое влияние партийности на хозяйственное поведение должны ослабнуть вместе с относительной нормализацией экономической и политической сфер.

Альтернативная теория рассматривает совместную эволюцию политики и бизнеса сквозь другую призму, которая сфокусирована на изменяющихся принципах взаимодействия хозяйственных предприятий и политических партий [Schoenman 2005; McMenamin, Schoenman 2007]. Политическая и экономическая трансформации по-прежнему считаются важными. Однако в отличие от теории наследия (*legacies theory*), для которой наиболее важным является зависимость от первоначальных условий развития новых систем, для теории партийной конкуренции (*partisan competition theory*) в большей степени существенна институциональная логика, характерная для соответственных политических и экономических полей. Например, если с точки зрения теории наследия политики непосредственно вовлечены в формулирование программ экономических реформ [Stark, Bruszt 1998], а экономические акторы конвертируют политический капитал в экономический [Eyal, Szelenyi, Townsley 1998], то альтернативный подход предполагает, что политики пытаются в первую очередь заполучить голоса избирателей, а представители бизнеса стараются захватить рынки. Иными словами, с этой альтернативной точки зрения, политическая поляризация хозяйства является функцией экономической и электоральной конкуренции. Согласно теории партийной конкуренции, венгерское хозяйство сейчас является политизированным не потому, что оно когда-то было таковым и продолжает таковым оставаться, но потому, что эволюционировало в иной вид политизированного хозяйства, сформированного организационным переплетением конкурирующих политических партий и их конкурирующих последователей в деловых лагерях.

После падения коммунистических режимов в странах Восточной Европы в ходе политических переворотов конца 1989 г. политики разного толка провозгласили ясные цели как в экономической, так и в политической сферах: рыночная экономика конкурирующих предприятий и либеральная демократия конкурирующих политических партий. Средства для достижения этих целей были также отчётливо заявлены: отделить государство от хозяйства и оторвать политические связи от поля экономических отношений.

Хотя теоретические цели и практические средства казались совершенно ясными, в действительности проблемы, связанные с рыночной конкуренцией между предприятиями и процессом политической конкуренции между партиями, привели к установлению связей между недавно созданными предприятиями и недавно созданными партиями. Иначе говоря, цель, связанная с резким разделением экономического и политического полей, была подорвана самой логикой конкуренции внутри каждого из этих полей. С одной стороны, чтобы конкурировать в политическом поле, правящим партиям нужно управлять экономикой, и всем политическим партиям нужен доступ к ресурсам. Сильные связи с предприятиями могут обеспечить эти ресурсы. С другой стороны, чтобы конкурировать в экономическом поле, предприятия выстраивают с политическими партиями прочные связи, обеспечивающие доступ к государственным контрактам, своевременно получаемой информации об изменениях в государствен-

ных делах и возможности влиять на формулировку тех или иных решений в сфере госрегулирования. Короче говоря, чтобы добыть ресурсы для борьбы за голоса избирателей, партии конкурируют за предприятия. В то же самое время для получения преимущества в экономической конкуренции предприятия вступают в союз с партиями. Таким образом, несмотря на то что экономическое и политическое поля были институционально разделены, предприятия и партии оказались переплетёнными организационно.

Если говорить о таком переплетении, то Венгрия отнюдь не является каким-то особым случаем. Члены политической элиты в зрелых демократиях соединяют политическое и деловое поля, когда становятся членами советов директоров крупнейших корпораций, тем самым обеспечивая сильные связи между партиями и предприятиями. Например, спустя лишь несколько недель после того как Герхард Шрёдер оставил пост канцлера Германии, он принял предложение занять пост председателя комитета акционеров компании Nord Stream AG, европейской дочерней компании российского конгломерата «Газпром». Роберт Рубин, бывший министр финансов администрации Билла Клинтона, стал председателем совета директоров Citigroup, оставив этот пост в январе 2009 г. А Ричард Армитаж, бывший первый заместитель госсекретаря в администрации Джорджа Буша, является членом совета директоров нефтяной компании ConocoPhillips. Бывшие сенаторы от республиканцев Уоррен Радмен и Джон Сунуну входят в совет директоров Boston Scientific Corporation. Наконец, Альберт Гор, бывший вице-президент США от демократов, является высшим советником в компании Google и членом совета директоров корпорации Apple.

Поскольку распространённая партийность предприятий может быть характерной даже для зрелых капиталистических демократий, наше исследование ситуации в Венгрии выходит за пределы постсоциалистического контекста. Хотя о существовании связей между партиями и предприятиями в США и других странах хорошо известно, экономсоциологи и социологи политики до сих пор не исследовали, какие экономические последствия может иметь структура этих связей. База данных, собранная нами в областях политики и экономики Венгрии, даёт возможность поставить этот важный и новый исследовательский вопрос.

На первом этапе своего анализа мы представляем результаты наших полевых интервью, открывающих «чёрный ящик» советов директоров корпораций. Эти интервью показывают, как в Венгрии предприятия и партии используют связи на уровне сотрудников для координации стратегии и направления ресурсов. Делая второй шаг, мы используем модели диадической логистической регрессии для проверки влияния политической приверженности на характер деловых связей. Согласно полученным результатам, переплетённые директораты в значительной степени зависят от партийной приверженности.

На третьем этапе наш исторический сетевой анализ показывает, что сложившиеся модели деловых связей не являются наследием государственного социализма: вместо того чтобы исчезнуть с началом образования партийно-корпоративных альянсов, эти структуры эволюционировали, чередуясь по мере прохождения сквозь электоральные циклы. Мы обнаружили, что с течением времени, по мере расширения приватизации и роста значения рынка в координации хозяйства, связи на личном уровне и взаимозависимость между политическими партиями и предприятиями также выросли. Парадоксально, но разрушение прежней доминирующей роли государства в хозяйстве породило новый вид всё возрастающей зависимости, основанный на личных связях между политическим и экономическим полями [Schoenman 2005; McMenamin, Schoenman 2007]. На начальных этапах, когда политизированных предприятий было относительно немного, партии рассматривались просто как ещё один партнёр, обеспечивающий доступ к ресурсам. По мере того как всё больше предприятий устанавливали свою партийную принадлежность, политическая идентичность становилась ресурсом для идентификации деловых партнёров. Предприятия, вращавшиеся в одних и тех же политических кругах, с большей вероятностью встречались с предприятиями схожей политической окраски, что привело к тому, что, например,

компании левой политической ориентации предпочитают иметь дело с другими компаниями сходной ориентации, а предприятия правой политической ориентации, скорее, найдут деловых партнёров среди других правых предприятий. По мере поляризации политического поля и разделения по партийным признакам в деловом мире стали возникать своего рода трещины. Политическое маркирование, привнесённое политиками и политизированными бизнес-группами, стало настолько всеобъемлющим, что деловые партнёрства между правыми и левыми предприятиями стали почти невозможными, что привело к политическим разломам в хозяйстве.

Наконец, в нашем заключительном разделе мы обозначим дальнейшие перспективы исследований по теме, что позволит поместить наши результаты в сравнительный контекст. На вопрос о том, является ли венгерский случай уникальным, можно ответить только проведя сравнительные исследования в хозяйствах других стран.

Формируются ли деловые сети политическими связями?

Наша исследовательская стратегия принимает во внимание и одновременно расходится с последними исследованиями о взаимоотношении между экономическими сетями и деятельностью экономических акторов в политическом или регулятивном поле [Mizruchi 1989; 1990a; 1990b; 1992; Davis, Greve 1997; Burris 2001; 2005; Fligstein 2008]. Последние достижения в данной области сочетают сетевой анализ в рамках экономической социологии с объяснением политического поведения корпоративных акторов. Такие исследования показывают, что предприятия, находящиеся в деловых отношениях, скорее всего, будут иметь связи (обычно операционализируемые как пожертвования на избирательную кампанию) с одними и теми же политиками, партиями или позициями в политическом поле. Это означает, что структура сетей в хозяйстве объясняет политическую позицию.

Например, последние исследования политической сплочённости среди корпоративных элит демонстрируют, что сетевые структуры переплетённых директоратов объясняют скорость принятия управленческих практик [Davis, Greve 1997], а также что предприятия, связанные переплетёнными директоратами, с большей вероятностью занимают схожие позиции по законодательным вопросам [Mizruchi 1992]. Подобным образом Баррис изучает политическое поведение высшего руководства 1050 крупнейших американских компаний, измеряя политическое поведение через пожертвования кандидатам на президентских выборах 1980 г.² [Burris 2001; 2005]. Используя модель квадратичной регрессии (*quadratic assignment regression, QAP*) на 289 180 диадах из 761 спонсора президентской кампании в своей выборочной совокупности, Баррис обнаруживает, что социальные связи, устанавливаемые через общих членов в советах директоров, «вносят больший вклад в сходство политического поведения, чем общность экономических интересов, таких, например, как работа в одной отрасли или одном географическом регионе» [Burris 2005: 249].

С приверженцами сетевого анализа в рамках социологии политики мы расходимся в первую очередь в том, как мы измеряем политические связи. Предыдущие работы по этой теме были посвящены главным образом политической идентификации; например, случаям, когда корпоративные элиты идентифицируют себя с определёнными политическими взглядами, с воззрениями какого-либо политика или стараются на них повлиять [Neustadt, Clawson 1988]. Типичными измерителями политического поведения в этих исследованиях являются пожертвования на предвыборные кампании или создание комитетов политических действий (Political Action Committees, PACs). Например, Баррис исследует вопрос

² Эти работы были частью волны эмпирических исследований, начатых после того, как Федеральная избирательная комиссия (Federal Election Commission) предоставила электронные данные с 1978 г. Широкая доступность этих данных сделала пожертвования на предвыборные кампании предметом анализа для социологов политики, изучающих американские корпоративные элиты.

о том, насколько схожи доли пожертвований двух членов правления кандидатам от республиканцев или демократов в президентских выборах 1980 г. [Burris 2005].

Мы пытаемся найти более надёжный измеритель политических связей между предприятиями и партиями, нежели размер пожертвований на предвыборные кампании, поэтому фиксируем политическую принадлежность предприятия, когда политический деятель занимает влиятельную позицию на нём либо в качестве высшего менеджера, либо, что более типично, в качестве члена совета директоров или наблюдательного совета. (В отличие от практики, принятой в США, венгерские законы, касающиеся конфликта интересов, не запрещают действующим политикам занимать должности в корпоративном руководстве, а фактически до середины 1990-х гг. министрам в правительстве не запрещалось быть членами советов директоров.) Если пожертвования на предвыборную кампанию открывают потенциальный канал коммуникации между предприятием и политиком [Clawson, Neustadtl, Scott 1992], то политизированный директорат приглашает политика принять участие в работе органа принятия решений, управляющего фирмой. Одно дело, если исполнительный директор жертвует 2000 долл. на предвыборную кампанию какого-нибудь политика или корпоративному комитету политических действий, но совсем другое — политик, сидящий за одним столом с другими членами совета директоров.

Более того, назначая политика на должность в корпорации, предприятие создаёт связи с соответствующей партией. Важная черта венгерского избирательного законодательства состоит в том, что кандидаты на место в парламенте выдвигаются не индивидуально, а по партийным спискам. Политики в Венгрии являются подчёркнуто партийными политиками. Они не собирают пожертвования для своих личных предвыборных кампаний. Поэтому назначение политика в совет директоров предприятия прежде всего укрепляет связь с его (её) политической партией. Правления предприятия через таких членов могут влиять на принятие законов и получить своевременный доступ к информации о государственных контрактах, промышленной и торговой политике и изменениях в госрегулировании. В то же время партии получают доступ к ресурсам предприятия и обретают свой голос в совете директоров, позволяющий влиять на деловую стратегию фирмы. Таким образом, это политико-деловое должностное лицо формирует прямую связь между предприятием и партией.

Наше первое расхождение с сетевым подходом было методологическим, второе же относится к области теории. Если раньше социологи изучали, как сетевые связи в хозяйстве формируют схожее политическое поведение, то мы рассматриваем, формирует ли политическая принадлежность деловое поведение, а если да, то каким образом. Под деловым поведением мы понимаем модели переплетённых директоратов. Таким образом, то, что для социологов политики было независимой переменной, у нас становится зависимой переменной. Данный ход позволяет нам совершить следующий шаг (пока ещё не сделанный), изучив обратное влияние политических связей на хозяйство.

Говоря точнее, нас интересует, каким именно образом партийная приверженность переходит из политического поля и накладывает ограничения на модели переплетённых директоратов в экономическом поле. Является ли политическая приверженность значимым фактором, объясняющим конфигурацию деловых сетей? Если это так, то мы ожидаем увидеть в экономике образование политизированных деловых лагерей. На уровне предприятия такое политическое разделение может блокировать деловые партнёрства, которые мы обычно наблюдаем среди предприятий, не сотрудничающих с политическими партиями. Подобные препоны способны перерасти в политически обусловленные структурные пустоты в деловой сети.

Обращаясь к типовым моделям укоренённости бизнеса, мы опираемся на давнюю исследовательскую традицию, которая показывает, что переплетённые директораты порождаются определённой логикой. Из более ранних работ следует, что (1) межорганизационные связи, осуществляемые через общих членов в советах директоров, это движущая сила межорганизационных властных отношений и единства

капиталистического класса [Mintz, Schwartz 1985; Useem 1986]; (2) переплетённые директораты выступают важными информационными каналами [Haunschild 1998], которые способствуют координации при принятии экономических решений [Mintz, Schwartz 1981] и даже формированию стратегических альянсов [Gulati, Westphal 1999]. Связи, устанавливаемые через переплетённые директораты, являются средством поддержания кредитных отношений [Mizruchi, Stearns 1988; Mizruchi, Stearns, Marquis 2006] и в то же время способствуют координации политических действий [Mizruchi 1992; Burtis 2005]. В постсоциалистическом контексте Венгрии переплетённые директораты — важнейший инструмент для координации действий стратегических деловых союзников (что мы покажем ниже на основе наших интервью).

Чтобы проверить влияние политических связей на деловое поведение, нами применяется историко-сетевой подход. В общем и целом, мы пытаемся обнаружить тенденции и определить время, в которое произошла политическая поляризация хозяйства. Статические снимки в какой-либо момент времени дадут неадекватную, возможно, даже вводящую в заблуждение, картину взаимоотношений между политическими связями и формированием переплетённых директоратов. Наша исследовательская программа не только охватывает длительный временной период, но также включает время возникновения исследуемого феномена. До начальной отметки нашего исследования (1987 г.) в Венгрии не было никаких корпораций, советов директоров, партий или политиков, ищущих ресурсы для борьбы на конкурентных выборах. Это означает, что у нас есть возможность изучать взаимодействия конкурирующих на рынке предприятий и конкурирующих на политическом поле партий с самого первого момента их существования.

Документируя изменяющиеся модели этого взаимодействия за весь период политической и экономической трансформации, мы получаем возможность проверить конкурирующие теории о совместной эволюции политических и деловых сетей в постсоциалистической среде. Согласно одной из точек зрения, политико-деловые связи являются наследием переходного периода от государственного социализма. Либо из-за конвертации государственной власти в экономическую власть [Eyal, Szelenyi, Townsley 1998], либо из-за принятия предприятиями в попытках справиться с крайне высокой неопределённостью начального периода трансформации практик «рекомбинантной собственности» [Stark 1996] в рамках данного подхода нужно ожидать мгновенного и взрывного роста числа политизированных директоратов в начале переходного периода. Однако вслед за этим начальным взрывом должно наступить сокращение политизированных директоратов по мере того, как иностранные прямые инвестиции будут использованы для приобретения решающей доли собственности в хозяйстве, будет завершена приватизация, прочно закрепятся рыночные институты и нормализуется уровень неопределённости, порождаемой госрегулированием. Аналогично: если политические связи обуславливают деловые и даже блокируют их между сторонниками правых и левых политических партий, то такая поляризация должна происходить на ранних стадиях и ослабевать по мере того, как хозяйство переходит на рыночные рельсы, а предвыборная партийная конкуренция становится более зрелой.

Альтернативная точка зрения состоит в том, что политизированные директораты рассматриваются не как следствие предшествующего развития, то есть наследие переходного периода [Stark 1996; Stark, Bruszt 1998], а, напротив, как результат развития предвыборной партийной конкуренции. Согласно этому взгляду, политизированные директораты должны продолжать расти после начальных стадий переходного периода и не должны уменьшаться в связи с консолидацией иностранного капитала, развития рыночного регулирования и демократической конкуренции. Аналогично, если политическая приверженность приводит к образованию политизированных деловых лагерей, которые избегают связей, престапующих политические границы, её интенсивность должна не уменьшаться, а увеличиваться по мере усиления партийной конкуренции.

Более того, согласно этой теории политической конкуренции, политизированные директораты подвержены реакции на ритмы предвыборной конкуренции. Политическая конкуренция разворачивается по иному временному графику, нежели рыночная конкуренция, и имеет более явные узловые точки. Хотя предприятия, чьи ценные бумаги обращаются на публичном рынке, сталкиваются с требованиями сдавать квартальные и ежегодные отчёты, политические партии оказываются в неизбежности выборов при неопределённых результатах. Хотя предприятия могут разрабатывать долгосрочные планы, их временные горизонты не синхронизированы по всему хозяйству. А вот политическая конкуренция, напротив, синхронизирована. Направляемая ритмом выборов, она ведёт к интенсивным избирательным кампаниям, в ходе которых партии мобилизуют свои лагеря. Поскольку наша база данных охватывает всю эпоху трансформации, включая три случая парламентских выборов, и у нас есть возможность проверить, имеет ли выигрыш или проигрыш на выборах какие-то последствия для альянсов между предприятиями и партиями³.

Как мы увидим ниже, выводы, сделанные на основе нашего анализа, определённо поддерживают теорию политической конкуренции. Они показывают, что политическая поляризация хозяйства не может быть объяснена конвертацией государственной власти в экономическую [Eyal, Szelenyi, Townsley 1998] или следствием пережитков переходного периода [Stark, Bruszt 1998]. Такую поляризацию следует понимать как форму политического капитализма, отмеченную динамикой отношений между предприятиями и политическими партиями. Наш анализ показывает, что чередование побед и поражений приводит к усилению поляризации хозяйства, в котором конкуренция за голоса избирателей превращается в конкуренцию за предприятия.

Данные и методы

Чтобы получить представление о работе советов директоров в Венгрии и о роли в них политических членов, мы провели интервью с 24 отобранными исполнительными директорами (отбор производился по разным отраслям, выбирались респонденты со значимым политическим прошлым и настоящим, а также директора предприятий, которыми владеют как транснациональные корпорации, так и местные компании), с политиками всех политических лагерей, с бывшими правительственными чиновниками (включая двух бывших министров финансов и двух бывших глав Центрального банка) и с журналистами, пишущими о финансировании партий и корпоративном управлении. Обычно интервью длилось два часа; почти в каждом случае мы добивались хорошего взаимопонимания со своими респондентами, что вело к искреннему разговору.

Чтобы провести историко-сетевой анализ пересечения полей и специфических для каждого поля связей, мы собрали большую базу данных. Со стороны бизнеса наши данные включают полный перечень хозяйственных должностных лиц и полную историю собственности на крупнейших предприятиях Венгрии за 1987–2001 гг. Мы считаем предприятие большим, если оно в любом году входило в число крупнейших (по доходу) компаний страны, включённых в ежегодный рейтинг «Топ 500» в 1987–2001 гг. Этому критерию соответствует совокупность в 1843 предприятия. По 147 из них данные о собственности были недоступны или недостаточны. Наша итоговая база данных содержит полную историю об управлении и собственности 1696 предприятий. Для такой маленькой страны, как Венгрия, на эту совокупность предприятий приходится более половины всех занятых, две трети ВВП и подавляющая часть экспортных доходов [Figyelő 2002].

³ Поскольку существующие работы о связях, соединяющих экономическое и политическое поля, имеют дело в основном с выборами, почти все из них посвящены исключительно предвыборным кампаниям (см., например: [Burtis 2005]). Еще одно наше расхождение (третье) с преобладающей литературой в этой сфере заключается, в частности, в акцентировании того, что выборы не только проводятся, но и имеют определённые последствия.

Для каждого предприятия в нашей совокупности мы получили в 20 регистрационных палатах (Courts of Registry) имена всех *хозяйственных должностных лиц* (economic officeholders), которых мы определяем как высших менеджеров (исполнительные директора, финансовые директора и все те, кто имеет право финансовой подписи на предприятии), а также имена всех членов советов директоров и наблюдательных советов за весь период существования предприятия (точкой отсчёта является 1987 г.). Итоговая база данных всех хозяйственных должностных лиц за 1987–2001 гг. содержит 72 766 фамилий⁴. Для каждого хозяйственного должностного лица мы зафиксировали срок пребывания в должности: месяц и год вступления в должность и месяц и год ухода с должности.

Чтобы дополнить эти данные по сотрудникам, мы также собрали полные истории изменения отношений собственности тех же крупнейших 1696 предприятий, зафиксировав для каждого года с 1987-го по 2001-й следующую информацию: размер капитала в тыс. венгерских форинтов, имена 25 крупнейших собственников и доля каждого из них в собственности компании. Типы собственников закодированы в четыре категории: государство, венгерское предприятие, венгерское физическое лицо и иностранный владелец. Для каждого предприятия в нашей совокупности мы также собрали данные о его годовой выручке, о промышленной классификации (SIC-код⁵), о месторасположении, об истории приватизации, о росте или уменьшении капитализации, а кроме того, выяснили дату заявления о банкротстве, ликвидации или остановке деятельности по любой причине, то есть дату закрытия файла на предприятие в регистрационной палате.

Со стороны политической сферы мы определяем *политических должностных лиц* (political officeholders) как всех избранных должностных лиц национального и местного уровней, включая всех членов парламента и мэров, государственных деятелей, в том числе премьер-министра, членов кабинета министров и их заместителей. Для периода до 1990 г. мы включили государственных министров, депутатов и членов Политбюро и Центрального комитета правящей при коммунистическом режиме партии. За весь исследуемый период (1987–2001 гг.) мы собрали имена каждого из этих политических должностных лиц, фиксируя их партийную принадлежность и все изменения этой принадлежности.

Данные о политиках и государственных чиновниках были получены из Национального бюро по выборам (где содержатся записи на всех избранных политических должностных лиц) и из Венгерского агентства новостей (которое хранит записи обо всех государственных должностных лицах, вступивших в должности и покинувших свои посты). Для периода до свободных выборов мы определяем политических должностных лиц как всех членов Политбюро и Центрального комитета Венгерской социалистической рабочей партии, а также министров правительства и их заместителей⁶. Имена политических должностных лиц за 1987–1989 гг. были взяты из обстоятельной CD-публикации *Politika Interaktív CD-ROM*, содержащей данные о политической элите эпохи государственного социализма [Nyíró, Szakadat 1993]. Как и в случае с хозяйственными должностными лицами, срок пребывания в должности фиксировался с точностью до месяца. Итоговая база данных, содержащая полный перечень политических должностных лиц, включает 16 919 фамилий.

По каждому году мы считаем число политиков, не деля их на действующих и бывших. Наивно поинтересовавшись, имеет ли значение, назначен в совет директоров действующий или бывший политик, мы услышали в ответ слова, произнесённые с едва сдерживаемым смехом: «В Венгрии нет бывших»

⁴ Собирая в регистрационных палатах адреса каждого хозяйственного должностного лица, мы могли различать людей с одинаковыми именами и фамилиями (например, Янош Надь (Janos Nagy), проживающий на ул. Петёфи в Будапеште, не тот же самый Янош Надь, живущий на ул. Кодая в Кечкемете).

⁵ Стандартная промышленная классификация (Standard Industrial Classification). — *Примеч. перев.*

⁶ Если коммунистический Центральный комитет является аналогом парламента в последующий демократический период, то Политбюро соответствует роли правительства.

политиков»⁷. Для нас важны сведения о партийной принадлежности, поскольку они позволяют отнести политиков к левому или правому политическому лагерю. В Венгрии действует многопартийная система, которая на самом деле дихотомична. На каждых парламентских выборах появлялись партия большинства и крупная оппозиционная партия. Более мелкие партии, заключающие союз с левым или правым крылом, обладают относительно небольшим числом мест в парламенте и ещё меньшим числом мест в советах директоров. Если взять принадлежащие политикам места в советах директоров, то в год в среднем 89,3% этих мест занимают представители двух ведущих партий. Должностные лица от бывших коммунистов и социалистов и партнёра социалистов по коалиции — Альянса свободных демократов мы посчитали левыми. Венгерский демократический форум (MDF), Венгерский гражданский союз (FIDESZ) после 1996 г., Независимая партия мелких собственников, Венгерская партия справедливости и жизни (MIEP) и Христианско-демократическая народная партия (KDNP) были отнесены к правым.

Объединение перечней хозяйственных и политических должностных лиц позволяет нам точно определить (для каждого предприятия в любой месяц), имела ли эта компания в своём составе хозяйственное должностное лицо, которое одновременно было политическим должностным лицом, а также установить его партийность. Предприятие считается *нейтральным*, если в данный период оно не имеет партийной принадлежности. Предприятия, имеющие в совете директоров политиков из левого или правого лагеря, мы помечали как *лево-* или *правоориентированные*. Предприятия относились нами к *сбалансированным*, если они одновременно имели в совете директоров политиков левой и правой ориентаций. Согласно нашим интервью, достаточно одного политика, чтобы зафиксировать ту или иную политическую принадлежность, а совет директоров, в котором заседают как минимум по одному политику из каждого лагеря, рассматривается как работающий под знамёнами двух политических расцветок.

Два предприятия считаются связанными деловыми узлами в виде *переплетённого директората*, если они имели хотя бы одного общего члена в советах директоров, *не являющегося политиком*. На рисунке 1 показано, как конструируется межорганизационная сеть из списков сотрудников. Фирма 1 имеет переплетённый директорат с Фирмой 2 через общего члена d1. Таким же образом мы фиксируем деловые сетевые связи между Фирмой 1 и Фирмой 3, Фирмой 4 и Фирмой 5, Фирмой 5 и Фирмой 6. Политик p1 заседает в советах директоров Фирм 1, 2 и 3, поэтому мы приписываем этим предприятиям приверженность левым партиям; благодаря политику p2 мы считаем правой Фирму 4, а благодаря политику p3 относим к правой ориентации Фирму 5.

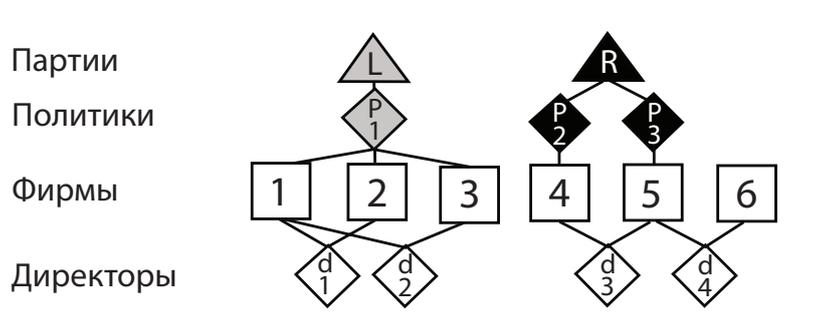

Рис. 1. Расширенная двумерная сеть

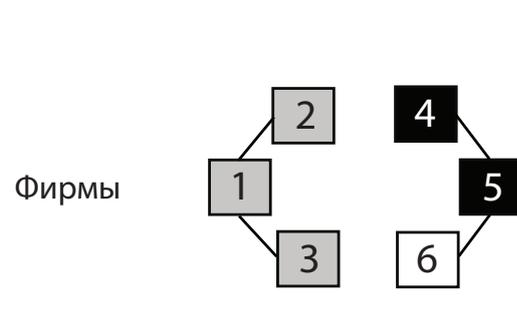

Рис. 2. Одномерная межорганизационная сеть

⁷ В этом отношении Венгрия не является исключением. Американские корпорации часто обозначают партийную принадлежность бывших сенаторов и конгрессменов в списках членов своих советов директоров, например, Джон Брью (John Breaux), D-La (демократ, Лос-Анджелес). — Примеч. перев.

Поскольку нас интересует проверка влияния политической принадлежности на деловые связи, мы выбрали консервативную систему кодирования данных, которая не учитывает переплетённые директораты в том случае, когда связующим звеном на уровне персонала выступает политик. Такие связи автоматически означают политическую гомофилию и разделение политических лагерей, поэтому на рисунке 2 Фирмы 2 и 3 не закодированы как имеющие деловую связь.

Нами был применён диадический подход для проверки наших ожиданий о влиянии политической принадлежности на деловое партнёрство. Диадические данные переключают интерес с самих предприятий на связи между ними. Для каждого года мы создали базы данных с парами предприятий в качестве единиц анализа. Для каждой из этих диад фиксировалось наличие или отсутствие делового партнёрства (наша зависимая переменная). Эта переменная равна нулю, если между двумя предприятиями не существует связи на уровне персонала, и она равна единице, если эта связь обнаруживается.

Мы используем модели логистической регрессии, где в качестве единиц анализа выступают упомянутые диады. Зависимая переменная измеряет наличие связи на уровне персонала между двумя предприятиями. Это обычный подход при анализе социальных сетей, когда зависимой переменной является наличие данной связи. Ранние логистические модели в рамках P^* были основаны на допущении об ограниченном влиянии за счёт включения параметров широты связей (или числа связей) для каждого узла [Wasserman, Pattison 1996; Anderson, Wasserman, Crouch 1999]. Эти модели пришлось пересмотреть при последующем их применении для больших сетей, так как было замечено, что включение сотен, а возможно, и тысяч переменных, для этой цели является громоздким и непрактичным [Moody 2001]. Таким образом, современный подход к учёту специфической гетерогенности наблюдений состоит в том, чтобы включить контрольные переменные широты связей для узлов, образующих диаду, а не для всех узлов [Quillian, Campbell 2003; Keister, Cornwell 2009]. Мы приняли именно этот подход. Переменной, которая была включена, чтобы учесть специфическую гетерогенность наблюдения в сетевой укоренённости, является «степень $i \times$ степень j ». Были построены отдельные логистические модели для каждого года в исследуемом периоде, следуя стратегии построения модели Паджетта и Маклина [Padgett, McLean 2006]. Наши независимые переменные также относятся к парам предприятий, чтобы соответствовать диадической природе нашей зависимой переменной. Мы используем два набора независимых переменных: первый набор представляет политическую приверженность, а второй — деловые критерии.

Переменные политической приверженности основаны на четырёх категориях (нейтральный, левый, правый, сбалансированный). Диадические переменные политической приверженности отражают комбинации в диаде. Оба предприятия могут быть политически нейтральными: в этом случае наша нейтрально-нейтральная переменная равна 1 (наша контрольная группа). Также оба предприятия могут быть аффилированы с левым политическим крылом: в этом случае наша лево-левая переменная равна 1. Таким же образом мы кодируем аффилиацию с правыми партиями (право-правая переменная) и сбалансированную аффилиацию (сбалансированно-сбалансированная переменная). Когда одно предприятие аффилировано с левым крылом, а другое с правым, наша лево-правая переменная равна 1. Таким же образом мы кодируем лево-сбалансированную и право-сбалансированную переменные. Когда одно из предприятий нейтрально, а другое является правым, левым или сбалансированным, такая диада кодируется как нейтрально политическая.

Мы ожидаем появления политизированных бизнес-групп. На уровне диад предприятия в диаде с одинаковой политической приверженностью с большей вероятностью будут иметь переплетённый директорат, чем два политически нейтральных предприятия, образующих диаду. Кроме того, мы предполагали, что диады из левоаффилированного предприятия и правоаффилированного предприятия с меньшей вероятностью будут иметь общего члена в советах директоров.

Поскольку политическая приверженность может коррелировать с характеристиками предприятия, которые сами по себе являются значимыми факторами образования межфирменных связей, наши модели контролируют влияние стандартных промышленных и финансовых критериев. Например, не исключено, что предприятия тяжёлой промышленности имеют переплетённые директораты друг с другом, а также связи с левыми партиями. Аналогично, сельскохозяйственные предприятия могут иметь связи друг с другом и быть правоаффилированными. В этих случаях обнаружение «политической гомофилии» (в лево-левых и право-правых диадах) лучше объяснимо общей для них производственной сферой; а «антагонизм между политическими лагерями» (в случае лево-правых диад) в действительности является следствием отсутствия переплетённых директоратов между разными секторами хозяйства. Размер, позиция в локальных сетевых структурах и структура собственности (компании в государственной или иностранной собственности) наряду с партийной приверженностью могут также служить факторами наличия связи между предприятиями. Наш вопрос заключается в том, имеет ли политическая приверженность очищенное от других факторов влияние наравне с помянутыми выше традиционными деловыми критериями.

Чтобы контролировать традиционные деловые характеристики предприятия, наш второй набор независимых переменных включает размер, отрасль, собственность и локальную сетевую топографию. Мы фиксируем размер капитала в диаде одновременно и как сумму величин капитала обоих предприятий, и как разность величин капитала [Ingram, Robinson, Busch 2005]. Ожидается, что более крупные предприятия будут в целом иметь больше связей. Мы также полагаем, что связи будут образовываться между предприятиями с более высокой разностью капиталов, так как большинство бизнес-групп состоят из крупного центрального предприятия, связанного с более мелкими предприятиями [Stark, Vedres 2006; Vedres, Stark 2010].

В свою диадическую модель мы также включили переменную, отражающую общность отрасли для членов диады. Предполагалось, что отрасль является ключевым фактором, стоящим за выбором сетевых партнёров, так как предприятия в первую очередь стараются выстраивать отношения с коллегами по отрасли.

Для анализа влияния отношений собственности на предприятиях в диадах на образование деловых сетей, мы создали набор соответствующих переменных. Приписывание предприятию лишь какой-либо одной формы собственности не учитывает того факта, что множество предприятий в нашей выборке имеют несколько различных типов основных собственников. Например, предприятия могут иметь значимые связи как с государственными, так и с зарубежными собственниками. Таким образом, для каждого предприятия было зафиксировано наличие значимых собственников следующих типов: государственная собственность, иностранная собственность, отечественная корпоративная собственность⁸ и отечественная собственность физических лиц (контрольная группа). Чтобы определить значимых собственников, нами используется кластерный анализ (подробнее см. приложение).

Переменные, характеризующие отношения собственности, созданы на диадическом уровне. Первая переменная фиксирует, имеют ли оба предприятия в диаде (в определённый год) значимого государственного собственника. Вторая переменная фиксирует, имеет ли одно (но не оба) из предприятий значимого государственного собственника. Третья переменная фиксирует, имеют ли оба предприятия в диаде значимого иностранного собственника, и так далее для отечественного корпоративного собственника и отечественного собственника в виде физического лица (контрольная группа). Построение переменных подобным образом позволяет нам проверить, ведёт ли одинаковая структура собствен-

⁸ Категория «отечественная корпоративная собственность» представляет предприятия, где основным владельцем является другое венгерское предприятие. Во время приватизации многие бывшие государственные предприятия были куплены другими венгерскими предприятиями, либо крупные государственные конгломераты распались на более мелкие (но всё ещё значительные) предприятия, между которыми возникли отношения собственности.

ников (государство, иностранные или отечественные корпорации) к формированию связей на уровне советов директоров. Также мы можем проверить, избегают ли предприятия связей друг с другом в диадах, имеющих разную структуру собственности.

Мы фиксируем триадическую форму связей вокруг диады в качестве набора контрольных переменных. Во-первых, наиболее вероятны связи между предприятиями, которые уже имеют множество связей, поэтому мы добавили переменную, которая фиксирует «степень $i \times$ степень j ». Во-вторых, из-за того, что переплетённые директораты используются в Венгрии при создании бизнес-групп [Vedres, Stark 2010], мы предполагаем, что триадическое закрытие (*triadic closure*) является важным механизмом создания связей. С большей вероятностью связь установится между двумя предприятиями, которые уже взаимодействуют между собой через некоторое число общих членов в советах директоров. Поэтому мы включили переменную, фиксирующую число таких третьих предприятий, с которыми связаны оба предприятия i и j .

Связи предприятий и партий как стратегические активы

В начале 1990-х гг. венгерская экономика претерпела быструю и глубокую трансформацию: предприятия были приватизированы, законодательство было переписано буквально в каждой сфере (от налогов до тарифов, от бухучёта до корпоративного управления, от банковской сферы до трудового законодательства), старые внешние рынки на Востоке закрылись, а новые на Западе только предстояло осваивать. Среди всей этой неопределённости советы директоров стали важным новым институтом на организационном ландшафте, и менеджеры осознали возможности связей на этом уровне для обеспечения надёжных источников информации, доступа к инсайдерскому знанию об успехах и неудачах других предприятий и механизма координации действий среди стратегических деловых партнёров.

Вводимый в соответствии с требованиями корпоративного законодательства институт совета директоров был абсолютно новым для венгерских руководителей. Исполнительные директора и другие высшие менеджеры, с которыми мы проводили интервью, вспоминали, как они были озадачены при первом посещении заседания совета:

Я не имел никакого опыта в качестве члена совета директоров. Но в действительности, так было и со всеми остальными по всей стране. Не было людей с опытом. Для всех нас это было обучение на рабочем месте (приглашённый директор, который в настоящее время является членом нескольких советов директоров).

Но менеджеры также подчёркивали в интервью, что предприятия быстро ухватились за возможность иметь общих членов в советах директоров для стратегической координации своих действий:

Никто не знал, что такое совет директоров. Никто из нас никогда не был на заседании совета директоров. Менеджмент также ничего не знал. Но они быстро сообразили, что тут открываются новые возможности, которые можно использовать (директор банка).

Фрагмент интервью с главой (СЕО)⁹ крупной промышленной холдинговой компании:

Вопрос. *Насколько важны советы директоров?*

Ответ. *Было очень важно иметь перекрёстное членство в советах директоров, чтобы решать разные проблемы. Мой предшественник на этом посту был просто исполнительным*

⁹ Chief Executive Officer (англ.) — досл. старший офицер, главнокомандующий; в западной корпоративной иерархии обозначает высшее должностное лицо компании. Не имеет аналогов в отечественной административной иерархии. — Примеч. ред.

директором, без каких-либо позиций в других советах директоров, и у него не было ни единого шанса.

В наших интервью был вопрос о том, что делают политики в советах директоров, и его мы задали члену правления советов директоров нескольких предприятий промышленного сектора. Он ответил довольно лаконично, даже грубовато. Ниже приводится фрагмент интервью с ним:

Вопрос. *Что может сделать политик в совете директоров?*

Ответ. *Использовать связи.*

Вопрос. *То есть?..*

Ответ. *Лоббирование. Экономическое и политическое лоббирование.*

Из интервью мы поняли, что как предприятия, так и партии относятся к политику, который одновременно и член совета директоров (предприятиям важно, что это политик, а партиям — что директор), как к стратегическому активу. Важность этой роли не ограничивается лишь бурным начальным периодом посткоммунистической трансформации, но возрастает по мере того, как в течение изучаемого периода росло число предприятий с политической окраской и увеличивался их вес в хозяйстве.

Полученные нами данные отражены на рисунке 3, который показывает, что доля предприятий, аффилированных с политическими партиями, в начале изучаемого периода была небольшой, быстро росла до 1994 г. и продолжила это делать вплоть до 2001 г. Хотя доля политически окрашенных предприятий никогда не превышала 17%, важность этих предприятий для хозяйства Венгрии лучше всего можно понять, взвесив предприятия по уровню их капитализации. Если учитывать уровень капитализации, то становится понятным, что доля политически окрашенной венгерской экономики к 1994 г. выросла почти до 50% и колеблется вокруг 40% в течение оставшегося периода (см. рис. 3).

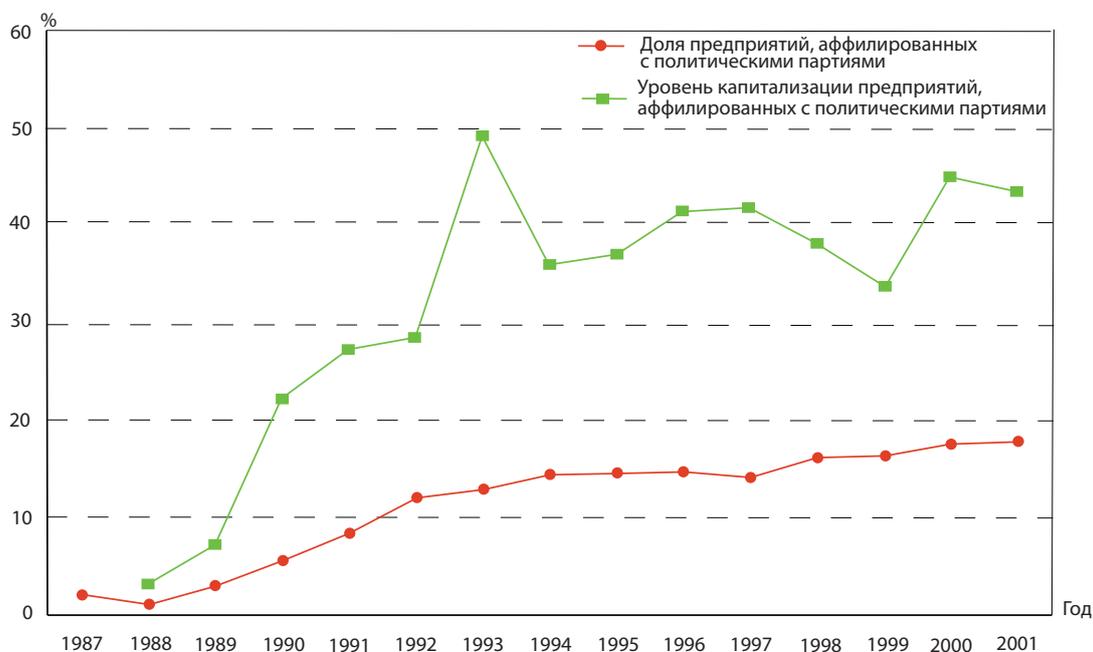

Рис. 3. Доля и капитализация предприятий, в совет директоров которых входит политик

В начале 1990-х гг. приватизация государственных компаний была одним из главных предметов борьбы в венгерском хозяйстве. Приобретение таких компаний было крайне политизировано, как и доступ к банковским кредитам во время сурового банковского кризиса. Как отметил один опытный менеджер

высшего звена, в этих баталиях и ковались сильные политические связи между предприятиями и партиями:

Собственность была рождена и основывается на политических связях благодаря приватизации. Собственность была у государства, и велась политическая борьба за то, кому она достанется. Для приватизации и для ведения бизнеса в целом каждая партия сформировала вокруг себя собственную дружественную предпринимательскую свиту. Доступ к кредитам был крайне политизирован, будь то прямые действия правящей на тот момент партии или близких к ней банков. За контракты или целые сражения. И партии использовали все эти баталии как шансы на получение пожертвований (бывший глава Центрального банка, в настоящий момент глава (СЕО) крупного строительного холдинга).

СЕО неоднократно говорили нам, что попытка держаться в стороне от системы политических связей является нежизнеспособной стратегией. Всё хозяйство пропитано политикой и пронизано политиками. Приведённый ниже диалог показывает, как глава крупной холдинговой компании воспринимает сигналы, посланные советом директоров, как он интерпретирует присутствие политика в составе совета директоров, и как запросы партий на ресурсы в качестве рутинной части деловой жизни удовлетворяются иными, нежели денежные выплаты, способами:

Вопрос. *А что, если Вы видите знакомого человека, например политика, в совете директоров?*

Ответ. *Тогда я знаю, что было или будет заключено какое-то соглашение.*

Вопрос. *Соглашение личного характера? Кто-то хочет помочь другу, чья дочь выходит замуж?..*

Ответ. *Я слышал о таком. Но я этому не верю. Политики сидят там не из-за дружбы. Всегда есть какая-то функция.*

Вопрос. *Ну, а что значит, если я вижу бывшего политика в...*

Ответ (прерывает вопрос). *У-у-у!.. Не существует **бывших** (выделил ударением) политиков. Есть политики и есть бизнесмены. Политик без должности всё равно политик.*

Вопрос. *Хорошо. Я вижу политика в совете директоров. Что партии хотят от предприятий?*

Ответ. *Денег. Чего же ещё?*

Вопрос. *И как они их получают?*

Ответ. *У партии есть много каналов получения денег через обычные бизнес-операции. Есть консалтинговые фирмы, маркетинговые компании, рекламные агентства. Заключаете с ними контракт. Но вы только платите, а услуг не получаете.*

Вопрос. *А пожертвования в партийные фонды?*

Ответ. *Это слишком грубо. Обычно всё делается менее прямолинейными способами. Это Ваше решение, начинать вести такие дела или нет. И нужно прежде всего понять, что Вам нужно от данной партии, но зачастую это трудно выразить в деньгах.*

Вопрос. *Делают ли партии предложения предприятиям?*

Ответ. *Да. Иногда политик обращается напрямую. Но более распространены окольные практики. Вам сделает предложение другой бизнесмен. Кто-то близкий к партии. Иногда они просят наличные. Иногда говорят: «Вам что-нибудь нужно?».*

Для политических партий назначение политика в совет директоров настолько важно, что за этим нужно постоянно следить. Из интервью мы поняли, что значительная часть работы управляющих партийными финансами состоит в координации корпоративных директоратов. В процессе переговоров с предприятиями партии часто предлагают список из нескольких своих политиков в качестве кандидатов на места в совете директоров.

Исполняя условия таких переговоров, предприятия назначают политических должностных лиц в свои советы директоров, во многих случаях выплачивая им щедрое вознаграждение, а также предоставляя другие ресурсы (машины, водителей, административный и иной вспомогательный персонал и т. п.). Таким образом, политизированные советы директоров предоставляют партии средства для формирования лояльного кадрового состава. Вознаграждения в совете директоров могут достаться участвующим в них политикам; а корпоративные назначения являются страховкой для тех политиков, которые покидают свои партийные и государственные посты после провала на очередных выборах, тем самым повышая боевой дух среди тех, кто собирается выставить свои кандидатуры на следующих выборах.

Хотя предприятия редко открыто делают *финансовые* пожертвования в пользу политических партий, наши респонденты подтвердили сведения, почерпнутые из репортажей политических обозревателей и журналистов, о том, что предприятия нередко совершают *натуральные* пожертвования тем или иным партиям [Juhasz 2001]. В этих случаях, например, часть рекламной кампании политической партии покрывается за счёт рекламного бюджета предприятия, средств на консалтинговые услуги, обработку данных, информационные технологии и другие расходы предприятия; в действительности деньги направляются политической партии; а гонорар дорогостоящему адвокату за ведение судебной тяжбы, в которую втянут ведущий политик (даже премьер-министр), может быть покрыт как часть юридических расходов известной корпорации. Эти и другие подобные соглашения укрепляются с назначением политиков в советы директоров.

К тому времени, когда мы провели наши интервью (2005 г.), венгерское хозяйство полностью завершило переход к рыночной экономике. Но, несмотря на институционализацию выборной демократии, беспрецедентный наплыв иностранного капитала и интеграцию в Европейский союз, многие руководители из тех, с кем мы говорили, жаловались на политическую поляризацию хозяйства. Хотя феномен поляризованного политического поля хорошо известен, утверждение, что *хозяйство* может быть политически поляризовано, скорее всего, является непривычным для многих. Говоря о политической поляризации, эти менеджеры высшего звена имеют в виду проблему, состоящую в разделении хозяйства на политические лагеря.

Повторяющейся темой наших бесед, как мы увидим в дальнейшем, было то, что многие крупные предприятия не могут не иметь чёткой аффилиации с левым или правым политическим лагерем. Имея в виду политические цвета левых и правых в Венгрии, один руководитель заявил, многозначительно и с сожалением: «Советы директоров определённно политизированы. Легко понять, кто красный, а кто оранжевый». На наш общий вопрос: «Насколько важны политические связи в хозяйстве?», — менеджер крупной промышленной фирмы в электронике с горечью ответил: «Это зависит от отрасли. В нашей отрасли эта тёмная сторона жизни неизбежна».

Влияние политической принадлежности на деловые связи

Чтобы проверить влияние альянсов предприятий и партий на связи между самими предприятиями, мы применяем диадический подход [Padgett, McLean 2006]. Единицами анализа в этой части нашей статьи являются пары предприятий, а зависимой переменной выступит наличие или отсутствие деловой связи между двумя предприятиями в диаде. Во-первых, мы строим независимые модели логистической регрессии для каждого года. Во-вторых, чтобы проверить статистическую значимость выделенных тенденций в поляризации деловых связей, мы также строим объединённую модель. Результаты наших годовых моделей логистической регрессии представлены в таблице 1.

Таблица 1

Модели логистической регрессии для диадической связанности

	1990	1991	1992	1993	1994	1995
<i>Политическая приверженность</i>						
Нейтрально-политическая	0,513**	0,278**	0,271**	0,137	0,107	0,180**
Лево-левая	1,175**	1,134**	1,524**	1,123**	1,114**	0,800**
Право-правая	- 4,564	1,577**	1,185**	1,133**	1,141**	1,351"
Лево-правая	0,216	- 0,005	- 0,376	- 0,267	0,195	- 0,298
Сбалансированно-сбалансированная	1,002	- 7,710	1,913**	1,793*	0,513	1,021*
Лево-сбалансированная	- 0,247	0,619	0,190	0,482	- 0,600*	0,277
Право-сбалансированная	- 1,174	- 0,091	1,089**	0,356	0,480*	0,576*
<i>Контрольные переменные</i>						
<i>Собственность</i>						
Оба с государственной собственностью	0,250	0,186	0,102	0,223*	0,379**	0,506**
Одно с государственной собственностью	0,004	0,031	- 0,251**	- 0,208**	0,008	0,182*
Оба с иностранной собственностью	- 0,118	- 0,058	0,161	0,185	241(*)	0,286*
Одно с иностранной собственностью	0,053	0,336**	0,304**	- 0,269**	- 0,256**	- 0,165*
Оба с отечественной собственностью	0,490*	0,360*	- 0,106	0,025	0,104	0,131
Одно с отечественной собственностью	0,254	0,009	0,004	0,033	- 0,003	0,016
<i>Объём капитала</i>						
Объём $i \times$ объём j	0,006*	0,004*	0,004**	0,005**	0,007**	0,006**
Абсолютная разность в объёме	0,075	0,005	- 0,000	- 0,009	0,027	- 0,011
<i>Локальная топография</i>						
Степень $i \times$ степень j	0,010**	0,002	- 0,000	0,001	0,000	- 0,000
Закрытая триада	2,442**	2,307**	2,672**	2,927**	2,760**	2,776**
<i>Отрасль</i>						
Общая отрасль	0,430**	0,654**	0,629**	0,628**	0,631**	0,750**
Константа	- 6,375**	- 6,187**	- 6,316**	- 6,622**	- 6,951**	- 7,070**
N	24532	101927	214841	336611	381502	387641
$- 2LL$	742,9	2279,4	4431,9	6242,9	6998,0	7015,9
R^2	0,251	0,284	0,335	0,351	0,353	0,350
Верные предсказания (%)	98,9	99,4	99,6	99,6	99,6	99,6
$X^2(df)$	749,3(18)	2184,6(18)	3671,1(18)	5194,9(18)	5664,3(18)	5954,8(18)
P	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000

Таблица 1. Продолжение

	1996	1997	1998	1999	2000	2001
<i>Политическая приверженность</i>						
Нейтрально-политическая	0,223**	0,281**	0,253**	0,261**	0,258**	0,276**
Лево-левая	0,834**	1,004**	1,510**	1,440**	1,419***	1,451**
Право-правая	1,760**	1,688**	1,377**	,896**	,866**	1,135**
Лево-правая	-0,285	-0,414	-0,277	-0,575*	-1,153**	-1,251**
Сбалансированно-сбалансированная	1,220**	1,379**	0,977**	0,880**	0,906**	0,858**
Лево-сбалансированная	0,407*	0,562**	0,655**	0,725**	0,826**	0,726**
Право-сбалансированная	0,337	0,654*	0,346	0,623**	0,889**	0,977**
<i>Контрольные переменные</i>						
<i>Собственность</i>						
Оба с государственной собственностью	0,387**	0,343**	0,666**	0,861**	0,689**	0,885**
Одно с государственной собственностью	0,044	0,030	0,070	0,007	0,124	0,132
Оба с иностранной собственностью	0,271*	0,307**	0,370	0,491**	0,423**	0,376**
Одно с иностранной собственностью	-0,248**	-0,053	-0,041	-0,001	-0,108	-0,047
Оба с отечественной собственностью	0,041	0,176	0,220	0,223*	0,093	0,095
Одно с отечественной собственностью	0,123	0,007	0,022	0,056	0,027	-0,054
<i>Объём капитала</i>						
Объём $i \times$ объём j	0,024	0,006**	0,004**	0,005**	0,004**	0,004**
Абсолютная разность в объёме	-0,046**	0,002	0,000	-0,023	0,005	0,014
<i>Локальная топография</i>						
Степень $i \times$ степень j	0,002**	-0,003**	-0,002**	-0,003**	-0,002**	-0,001**
Закрытая триада	2,784**	2,795**	2,861**	2,790**	2,961**	3,004**
<i>Отрасль</i>						
Общая отрасль	0,709**	0,745**	0,802**	0,764**	0,728**	0,733**
Константа	-6,784**	-7,027**	-7,002**	-7,083**	-6,893**	-6,924**
N	412687	435711	440392	435712	426427	416329
$-2LL$	7837,0	8179,2	8327,9	7446,7	7214,1	7113,3
R^2	0,368	0,377	0,377	0,349	0,356	0,360
Верные предсказания (%)	99,6	99,7	99,7	99,7	99,7	99,7
$X^2(df)$	6713,4(18)	7056,9(18)	7292,3(18) 6937,3(18) 6365,7(18)	6214,8(18)	5664,3(18)	5954,8(18)
P	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$.

Результаты представленных в таблице 1 моделей логистической регрессии показывают, что политическая приверженность значимо объясняет образование деловых связей в венгерской среде. В целом за рассматриваемый период политизированность деловых связей выросла настолько, что в последние три года все политические переменные стали значимыми.

В рамках этого общего тренда политическая гомофилия среди пар лево-левых и право-правых предприятий является сильным и всегда положительным фактором, объясняющим образование деловых связей. За весь период мы обнаружили, что предприятия левой политической расцветки с большей вероятностью (по сравнению с контрольной группой, нейтрально-нейтральными предприятиями) будут иметь дело друг с другом через общего человека в своих советах директоров. Политическая гомофилия среди право-правых предприятий также выражена. Исключение представляет 1990 г., когда была лишь горстка правоаффилированных предприятий; переменная «право-правая политическая аффилиация» значима в течение всего периода. Учитывая, что до 1989 г. не было никаких партий правого крыла, примечательно, что правоаффилированные предприятия довольно быстро находят друг друга в качестве деловых партнёров и продолжают демонстрировать эти предпочтения.

Сравнивая полученные результаты для гомогенных лево-левых и право-правых пар с гетерогенными лево-правыми парами, можно видеть следующее: если предприятия одинаковой политической направленности демонстрируют заметную гомофилию, пары предприятий с противоположной политической принадлежностью проявляют растущий антагонизм. Коэффициенты в таблице 1 показывают, что эта тенденция зародилась в середине 1990-х гг. и становится более выраженной в последние три года исследуемого периода. Иными словами, становится всё менее и менее вероятным, чтобы предприятие с левым уклоном установило связь в деловой сети с предприятием правого уклона. Такая неприязнь не проявляется в полную силу сразу же после политической трансформации, но, напротив, развивается и усиливается в течение всего периода конкуренции левых и правых партий.

Собранные воедино, наши результаты о неизменно положительной внутригрупповой гомофилии и растущей межгрупповой неприязни позволяют сделать вывод о возрастающей поляризации хозяйства, разделённого на политико-деловые лагеря.

Полученные результаты о влиянии политической приверженности на образование деловых связей не являются ложной зависимостью, за которой скрывается влияние других характеристик предприятий. Хотя многие экономические переменные воздействуют на образование деловых связей, представленные выше переменные политической приверженности обладают статистически значимым чистым влиянием.

Как и предполагалось, деловые связи наиболее вероятны среди крупных предприятий. Также согласно нашему предположению, деловые связи возникают существенно чаще в парах предприятий, работающих в одной отрасли. Чтобы проверить устойчивость наших результатов относительно политической приверженности, мы построили расширенные варианты наших моделей, включив в них все возможные сочетания отраслевых категорий (то есть финансы — тяжёлая промышленность, финансы — услуги, энергетика — тяжёлая промышленность и т. д.). Отдельные отраслевые пары положительно влияют на образование связей (особенно когда одно или оба предприятия в паре принадлежат к финансовой сфере, сфере услуг или торговле), но переменные, измеряющие политическую приверженность, в этих расширенных моделях остались неизменными.

Коэффициенты, отражающие влияние переменной «степень i × степень j » в диаде (см. табл. 1), в последние годы выбранного периода обладают значимым отрицательным влиянием, из чего видно, что предприятия с более высокой степенью центральности стараются не образовывать связи друг с другом. Это «дисассортативное смешивание» [Newman 2002] не устраняет значимость лево-правого анта-

гонизма. Триадическое закрытие значимо во все годы. Этот процесс формирования сплочённых групп не отменяет наше утверждение о политической гомофилии внутри партийных лагерей.

Таблица 1 также показывает, что характер отношений предприятий со своими собственниками влияет на их выбор деловых партнёров. Предприятия с одинаковыми типами собственников — государственными или иностранными — более склонны к образованию деловых связей друг с другом. Такая гомофилия становится более распространённой во второй половине исследуемого периода. В парах с разной структурой собственности не наблюдается особой приверженности друг к другу; в действительности, в отдельные периоды различия в структуре собственности препятствуют образованию сетевых связей. В первой половине исследуемого периода, когда иностранная собственность была скорее исключением, нежели правилом, предприятия со значительной иностранной собственностью были существенно менее склонны создавать связи с местными предприятиями. Такая отрицательная корреляция исчезает во второй половине интересующего нас временного отрезка, порождая предположение, что предприятия, находящиеся в иностранной собственности, смогли лучше интегрироваться в хозяйство Венгрии.

Чтобы проверить статистическую значимость выводов о влиянии политики на хозяйство, мы построили объединённую логистическую регрессионную модель, совместив все диады за все годы, в результате чего получили базу данных, содержащую более четырёх миллионов наблюдений. Зависимая переменная в этой модели осталась той же самой, что и в описанных выше годовых моделях логистической регрессии: наличие или отсутствие деловой связи между двумя предприятиями. Независимые переменные также не изменились; добавились лишь ось времени и переменные взаимодействия временной оси с комбинациями политической приверженности. Размер базы данных не позволил нам включить в число контрольных переменных специфическую для диад гетерогенность¹⁰. Результаты объединённой модели представлены в таблице 2.

Таблица 2

Объединённые модели логистической регрессии для диадической связанности

	Модель 1			Модель 2		
	B	Exp(B)	p	B	Exp(B)	p
Год				- 0,029	0,971	0,000
<i>Политическая приверженность</i>						
Нейтрально-политическая	0,228	1,256	0,000	0,218	1,243	0,000
Левое-левая	1,144	3,139	0,000	0,835	2,304	0,000
Право-правая	1,220	3,387	0,000	1,249	3,486	0,000
Левое-правая	- 0,414	0,661	0,000	0,316	1,372	0,148
Сбалансированно-сбалансированная	0,970	2,638	0,000	1,375	3,955	0,000
Левое-сбалансированная	0,466	1,594	0,000	- 0,065	0,937	0,763
Право-сбалансированная	0,653	1,921	0,000	0,569	1,766	0,010
<i>Переменные взаимодействия</i>						
Год*Нейтрально-политическая				0,003	1,003	0,658
Год*Левое-левая				0,043	1,044	0,040

¹⁰ В идеале нужно также контролировать специфическую для наблюдений гетерогенность с помощью моделирования случайных или заданных воздействий. Однако это неосуществимо в случае наших диадических данных, даже с 64-битной оперативной памятью и высокоскоростным процессором такие модели невозможно обчислить. Объединённая модель в этом случае содержит более 4 млн наблюдений, а метод случайных или заданных воздействий требует контроля вариаций в более чем 400 тыс. отдельных диадах (что примерно равнозначно модели с 4 млн наблюдений и 400 тыс. переменных). Современное состояние доступных нам технологий не позволило осуществить подобную операцию.

Таблица 2. Продолжение

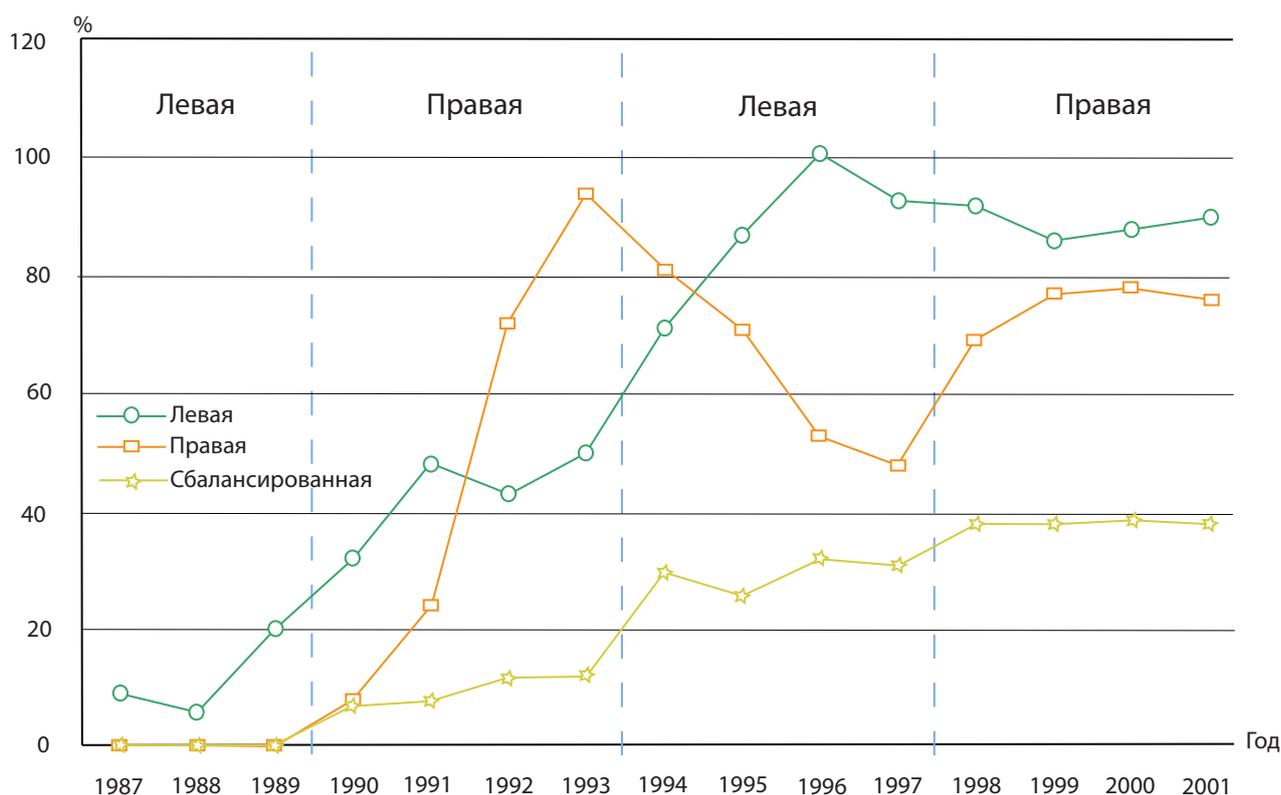
	Модель 1			Модель 2		
	B	Exp(B)	p	B	Exp(B)	p
Год*Право-правая				- 0,004	0,996	0,848
Год*Лево-правая				- 0,102	0,903	0,001
Год*Сбалансированная				- 0,042	0,959	0,320
Год*Лево-сбалансированная				0,070	1,073	0,005
Год*Право-сбалансированная				0,015	1,015	0,572
<i>Контрольные переменные</i>						
<i>Собственность</i>						
Оба с государственной собственностью	0,456	1,578	0,000	0,392	1,479	0,000
Одно с государственной собственностью	- 0,009	0,991	0,656	- 0,045	0,956	0,039
Оба с иностранной собственностью	0,283	1,327	0,000	0,287	1,332	0,000
Одно с иностранной собственностью	- 0,155	0,856	0,000	- 0,152	0,859	0,000
Оба с отечественной собственностью	0,172	1,188	0,000	0,158	1,171	0,000
Одно с отечественной собственностью	0,016	1,016	0,447	0,010	1,010	0,656
<i>Объём капитала</i>						
Объём $i \times$ объём j	0,006	1,006	0,000	0,006	1,006	0,000
Абсолютная разность в объёме	0,013	1,013	0,011	0,012	1,012	0,020
<i>Локальная топография</i>						
Степень $i \times$ степень j	- 0,002	0,998	0,000	- 0,002	0,998	0,000
Закрытая триада	2,801	16,461	0,000	2,802	16,471	0,000
<i>Отрасль</i>						
Общая отрасль	0,711	2,036	0,000	0,711	2,035	0,000
Константа	- 6,923	0,001		- 6,675	0,001	0,000
N	4 014	312		4 014	312	
- 2LL	73474,01			73565,45		
R^2	0,352			0,352		
Верные предсказания (%)	99,5			99,5		
$\chi^2(df)$	63829 (18)			63764 (26)		
P	0,000			0,000		

Объединённая модель подтверждает статистическую значимость возрастающей неприязни между левыми и правыми: коэффициент для переменной взаимодействия временной оси и комбинации левого и правого предприятия в диаде является отрицательным и статистически значимым.

Эволюция политико-деловых лагерей

Чтобы понять эволюцию политизированных деловых лагерей, мы изучили успехи и неудачи политических партий в ходе избирательных циклов. На рисунке 4 показано, что результаты выборов влияют на отношения между партиями и предприятиями. Пунктирные вертикальные линии на рисунке 4 обозначают выборы 1990, 1994 и 1998 гг., в ходе которых правящие партии потерпели поражение, а их

оппоненты праздновали победу. После каждых выборов победители увеличивали число своих аффилированных предприятий. Наиболее значительным этот рост был у коалиции правых и центристов, которые выиграли выборы 1990 г. и находились у руля во время работы первого свободно избранного правительства, в 1990–1994 гг. Как показано на рисунке 4, за эти четыре года число предприятий с правой политической ориентацией выросло почти с нуля и превысило 90. Социалисты также смогли капитализировать политический успех, расширив свою экономическую базу после победы на выборах 1994 г. В 1993 г., то есть в последний год пребывания у власти этого правительства, политики левой ориентации входили в советы директоров 50 предприятий. После прихода во власть левых к 1996 г. это число удвоилось и достигло 100 предприятий. Затем новая правая коалиция выиграла выборы в 1998 г., что привело к увеличению их деловой базы примерно с 50 до почти 80 предприятий.

Примечание: По вертикальной оси отложено количество фирм. Вертикальные пунктирные линии обозначают выборные периоды; сверху указаны партии, одержавшие победу.

Рис. 4. Число предприятий, классифицированных по политической приверженности

Кроме демонстрации того, что победившие партии преуспевают в борьбе за предприятия, рисунок 4 отражает ещё одну важную тенденцию. Можно видеть, что за все три периода чередования у власти победившим партиям всё труднее расширять свою базу аффилированных предприятий. Правящие партии увеличивают число лояльных предприятий, но число *вновь аффилированных* становится всё меньше и меньше: 88 предприятий в первый период (1989–1993 гг.); 50 предприятий во второй (1993–1997 гг.); лишь 30 предприятий в третий (1997–2001 гг.). Эти цифры говорят о возрастающей конкуренции за более или менее стабилизировавшееся число политизированных предприятий.

Вслед за своей победой на первых демократических парламентских выборах в 1990 г. правоцентристские партии во главе с Венгерским демократическим форумом (MDF) обладали широкими возможностями для роста. Социалисты уже имели экономическую базу в лице старых государственных предприятий. Некоторые предприятия начали преобразовываться в новую корпоративную форму (помимо других законодательных требований, формируя советы директоров) ещё до смены режима. К 1989 г.

политики левого толка присутствовали в советах директоров 20 таких предприятий. Придя к власти, правые начали быстрое и решительное наступление. Находясь у руля различных государственных имущественных и (или) приватизационных агентств, чиновники от MDF делали всё возможное, чтобы лояльные политики были назначены в советы директоров как вновь приватизируемых предприятий, так и предприятий, меняющих свою организационную форму, но остающихся в государственной собственности. К 1992 г., всего лишь после двух лет нахождения у власти, правые смогли привлечь на свою сторону больше предприятий, чем было ранее у левых; а в 1993 г. они ещё увеличили этот разрыв. Правые добились подобных результатов благодаря временному замедлению роста числа социалистических предприятий, но прежде всего благодаря быстрому росту числа предприятий, в которые они устраивали своих политиков. Многим обозревателям тогда казалось, что новая правящая партия буквально подмяла под себя экономику и укрепила возникшие связи на долгие годы вперёд.

Поворотным пунктом стал 1994 г. Социалисты, получившие в ходе выборов 1990 г. только 10% парламентских мест, одержали после обновления партии ошеломляющую победу на выборах 1994 г. И немедленно начали конвертировать свой успех в электоральном поле в преимущества в борьбе за предприятия. Как видно на рисунке 3, за три года эта партия более чем удвоила число предприятий в своём политическом лагере, и этот успех был достигнут напрямую за счёт влияния правых партий, то есть если на предыдущем этапе, когда у власти находилось правоцентристское правительство (1990–1993 гг.), число предприятий левой ориентации продолжало расти, то в течение следующего периода, когда правящей партией стали левые (1994–1997 гг.), число предприятий, аффилированных с правыми партиями, резко сократилось.

Менеджеры предприятий поняли, что альянсы с политическими партиями являются ключевым ресурсом. Позднее они осознали, что и на них переходят цвета таких политических альянсов. По мере того как всё больше и больше советов директоров окрашивались в политические цвета, а соответствующие сети становились устойчивыми, главы предприятий и члены правления начинали ощущать, что политическая аффилиация их предприятий навешивает на них тот или иной политический ярлык. Бывший министр в правительстве и действующий глава (СЕО) крупной аудиторской компании так пояснил этот момент:

Рано или поздно все получают политический ярлык. Вам всё труднее убедить других и убедить рынок в том, что вы нейтральны. Даже то, что вы просто сохраняете свои позиции, может для других означать, что вы выступаете на стороне врагов.

И продолжил свою мысль, добавив, что политический ярлык не выражает политические убеждения, а обозначает позицию в сети:

Это не значит, что какой-либо член правления или какой-либо совет директоров имеют политические предпочтения, а означает, что они ближе к этим людям, чем к другим. Это не вопрос политических убеждений, а больше похоже на лагери, опирающиеся на разные сети.

Расходы на политические кампании в годы выборов росли, а определённые законом бюджеты на предвыборные кампании партий изменились незначительно. Хотя у нас нет надёжных данных о фактических расходах на предвыборные кампании, подсчитано, что на выборах 1998 г. партии потратили в три или даже в четыре раза больше, чем могли потратить по закону. Большая часть этих расходов проходила по неформальным каналам от доверенных предприятий [Juhasz 2001].

Именно в этот период политики и бизнесмены стали отчётливо осознавать, что венгерские политические партии борются не только за голоса избирателей, но и за предприятия. Также как в ходе выборов в

парламент партии ужесточают партийную дисциплину, теперь в экономическом поле партии пытались усилить дисциплину среди «своих» предприятий. Это прямо отражено в результатах нашей логистической регрессии: к 1999 г. коэффициент, предсказывающий образование деловых связей среди антагонистических лево-правых пар предприятий, становится значимо отрицательным.

На рисунке 5 графически представлены коэффициенты из таблицы 1. Линии Л-Л (лево-левая) и П-П (право-правая) показывают коэффициенты гомофилии внутри левого и правого политических лагерей соответственно. Линия Л-П (лево-правая) показывает коэффициенты антагонизма по мере растущего разрыва между левыми и правыми. Эта тенденция отрицательна в течение всего рассматриваемого периода и регулярно, в год выборов, нарушается. Коэффициент антагонизма несколько уменьшается после каждых выборов, когда политизированные директораты перестраиваются, поскольку политики из выигравших партий назначаются в советы директоров. Когда предприятие меняет свою политическую окраску, разрыв связи на уровне совета директоров с предприятием из бывшего политического лагеря не происходит сразу же после выборов, но лишь после принятия решения о разрыве отношений.

Рисунок 5 также показывает, что гомофилия заметно возрастает в политическом лагере, проигравшем выборы, и уменьшается в выигравшем лагере. Как мы видели на рисунке 4, выигравшие партии имеют возможность увеличить число предприятий, в которые они делегируют своих людей. При росте числа предприятий уменьшается плотность их деловых связей. Напротив, меньшее число предприятий в лагере проигравшей партии сопровождается большей плотностью связей. Отрицательное соотношение размера и плотности является общим свойством сетей.

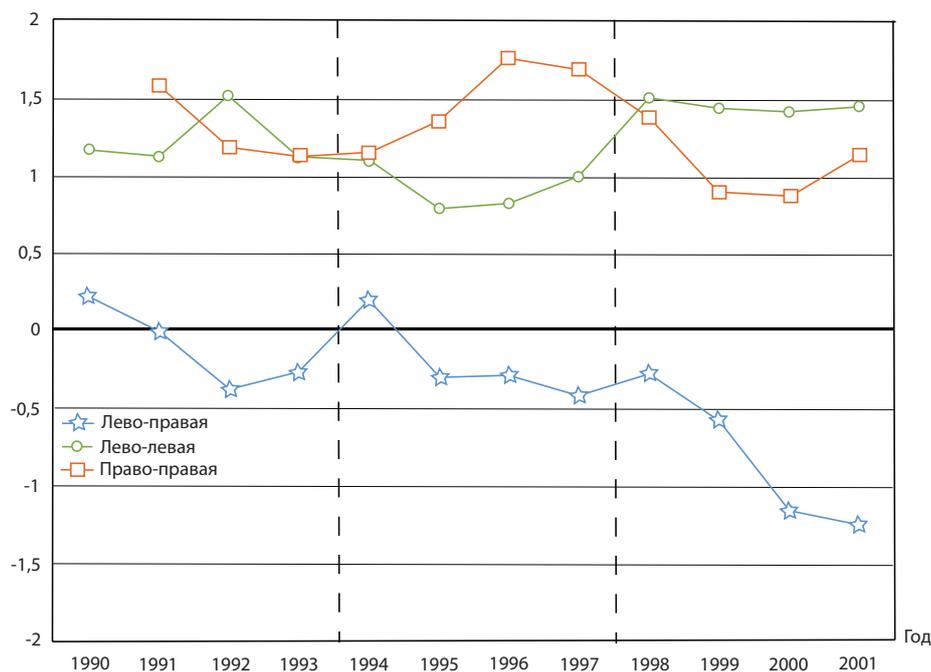

Рис. 5. Коэффициенты логистической регрессии для политической приверженности предприятий

Наши результаты показывают, что политизация деловых связей является следствием предвыборной политической конкуренции, а не просто наследием государственного социализма. Во-первых, политизация хозяйства не может возникнуть только лишь из-за превращения коммунистических кадров в новую бизнес-элиту [Eyal, Szelenyi, Townsley 1998]. Хотя наше исследование подтверждает выводы предыдущих работ в том, что эта бывшая элита сохраняет значительные сетевые ресурсы [Borocz, Rona-Tas 1995], наши результаты идут дальше, показывая на лонгитюдных данных, что новая политическая элита консервативного лагеря идёт тем же путём. Как мы видели, консервативные партии MDF и позднее FIDESZ проталкивали своих политиков в советы директоров, когда они были у власти, и

делали всё возможное, чтобы сохранить эти связи, когда они были в оппозиции. Во-вторых, политические связи между предприятиями и партиями, левыми или правыми, не сразу породили политически поляризованное хозяйство. Как мы показали ранее, антагонизм между левыми и правыми в деловых сетях не проявился в полную силу на руинах коммунистического режима, а возник только после вторых демократических выборов и ещё больше усилился после третьих выборов. Не будучи наследием постсоциалистической трансформации, политически поляризованное хозяйство Венгрии представляет собой новое явление, рождённое и воспроизводимое механизмами капиталистической рыночной экономики и демократической конкурентной политической системы.

Заключение

Институциональное разделение государства и хозяйства — ключевая характеристика современного капитализма. Будучи относительно автономными полями действия, каждое из них подчинено разным институциональным принципам: если «капитал» политической партии и её лидеров измеряется успехом в борьбе за голоса электората, то в случае корпорации и её лидеров он измеряется экономическим капиталом, накопленным в процессе захвата рынков и извлечения прибыли. Политические партии конкурируют за голоса, предприятия — за прибыль.

Тем не менее конкуренция между политическими партиями устроена таким образом, что увеличение процента голосов, отданных за одну партию, означает потерю для другой партии. Соответственно, если все предприятия рассматривают остальных, действующих в том же поле, как *конкурентов*, политические партии рассматривают друг друга в качестве *противников* (и не так уж редко термин «лояльная оппозиция» является эвфемизмом понятия «враг»). Политическая приверженность — ключевая черта партийной политики, хотя может варьировать по своей интенсивности. Временами политические лидеры могут забыть о ней, когда пытаются создать политические коалиции или обеспечить поддержку по законодательным вопросам. Но в остальное время политическая приверженность способна настолько сильно преобладать над всем остальным, что порой перевешивает политические решения, очевидно выгодные для всего общества.

Хотя поле партийной конкуренции и поле экономической конкуренции институционально разделены, их кажущиеся непроницаемыми границы прерываются мостами связей. В данной статье мы рассмотрели сильный вариант подобных связей: соединяющие поля связи, возникающие, когда члены политической элиты участвуют в советах директоров предприятий. Нашей задачей было проанализировать, каким образом структура альянсов бизнеса и политических партий влияет на форму деловых сетей. На языке теории полей это означает, что мы изучали, какое влияние могут оказать связи, соединяющие разные поля, на присущие полю экономики связи в виде переплетённых директоратов. Иными словами, по мере того как предприятия входят в поле политических партий, распространяется ли политическая приверженность на деловое поле?

Если выбор деловых сетевых связей определяется только деловыми критериями, предприятия должны быть безразличны к политической аффилиации своих стратегических партнёров. На основе проведённых интервью и моделей логистической регрессии мы показали, что венгерские компании отнюдь не безразличны в отношении к политической приверженности. Когда представитель политической элиты входит в совет директоров корпорации, эта компания не просто поднимает тот или иной партийный флаг; как мы видели, по отношению к ней закрепляется соответствующий политический ярлык. Большинство корпораций политически нейтральны; но некоторые предприятия известны как «красные», а другие как «оранжевые» (по цвету венгерских политических партий). Через соединительные связи политическая приверженность из поля политики проникла в деловое поле.

Более того, как показывают наши диадические модели, политическое маркирование влияет на выбор корпорацией тех предприятий, с которыми она создаёт связи в виде переплетённых директоров. «Красные» предприятия чаще образуют связи с другими «красными» же предприятиями; а «оранжевые» предприятия проявляют избирательное сродство при создании связей с другими «оранжевыми» предприятиями. С течением времени, по мере того как бюджеты на предвыборные кампании растут, а конкуренция за предприятия увеличивается, политическая приверженность настолько глубоко проникает в хозяйство, что «красные» и «оранжевые» предприятия начинают избегать связей друг с другом на уровне советов директоров, создавая в хозяйстве своего рода политические пустоты.

Наши результаты подсказывают, что, когда сетевой аналитик находит структурные пустоты в сетевых данных, он должен учесть возможность проистечения таких конфигураций из структуры политических связей среди изучаемых предприятий.

Полученные нами результаты также говорят о необходимости сравнительных исследований и о создании сопоставимых баз данных о структуре альянсов предприятий и партий в различных типах хозяйств. На примере Венгрии мы обнаружили, что политизация достигает точки насыщения на уровне 20% предприятий (и около 40% капитализации) в крупном корпоративном секторе. Без сопоставимых исследований трудно оценить, высокие это цифры или низкие. Есть ли случаи (в России, например), где большинство крупных предприятий политизированы? Если среди нарождающихся рыночных экономик Венгрия находится в конце списка по фактору политизированности, является ли объяснением тому высокий уровень иностранной собственности?

Мы утверждали, что наши результаты показывают иную траекторию движения к иному типу политического капитализма, чем предлагалось в более ранних исследованиях, сосредоточенных на бывших коммунистических кадрах, конвертирующих свою политическую власть в экономическую. Следовательно, чтобы картографировать разные формы политического капитализма в постсоциалистическом контексте, новые сравнительные исследования должны обращаться к разным формам партийной политики в сочетании с разными формами приватизации. Изучение посткоммунизма получит новый импульс, если переключить внимание с циркуляции элит на различные способы организационного переплетения предприятий и партий.

Если сравнивать происходящее в постсоциалистических странах с тем, что совершается за их границами, то следует понять, когда и где политические связи ведут к поляризации хозяйства, в зависимости, например, от различий в партийной системе, стабильности властных позиций и законодательной системы, ограничивающей членство политиков в советах директоров. Исследование только выиграет от сравнения стран, где демократизация произошла относительно недавно. Например, скорее всего, будет поучительным сравнение Венгрии и Чили. Демократии там возникли соответственно после коммунистического и авторитарного режимов, политический раскол чётко обозначен, а партийная политика является своего рода национальным спортом в обеих странах. Но, несмотря на острые политические разногласия, чилийская экономика, в отличие от Венгрии, демонстрирует иммунитет к политической поляризации¹¹. Возможно, это происходит благодаря различиям в институтах или истории выборов, в ходе которых в Чили не было чередования левых и правых. Возможно, у чилийских политиков и бизнесменов ещё живы воспоминания о трудностях жизни в годы военной диктатуры, поэтому они более осторожны в отношении политической сферы. Не исключено, что влияет характер политического руководства.

Мы не должны быть чрезмерно оптимистичными по поводу того, что американская экономика сохраняет иммунитет к поляризации со стороны политики. Когда политическая демагогия настолько

¹¹ Из беседы с Самуэлем Валенсуэлой (Samuel Valenzuela), Институт международных исследований Келлог, Университет Нотр-Дам (Kellogg Institute for International Studies, University of Notre Dame).

вездесуща, что даже прививка от гриппа стала политизированной темой, мы должны понимать, что политическая приверженность бушует настолько, что выплёскивается через край в сферу гражданского общества, создавая для индивидуальных решений каждой семьи преграды, которые могут быть общественно полезными даже в то время, когда политический тупик препятствует принятию законов о здравоохранении, об окружающей среде и экономической политике в период затяжного спада. В этом случае возникают те же самые вопросы — о роли институциональных правил, о памяти о недавних политических баталиях и о политическом руководстве. И также стоят вопросы о распространённости, структуре и истории сетевых связей, проникающих в поле политики и происходящих из этого поля. Инструменты исторического сетевого анализа не решат проблем вездесущей политической приверженности, но они могут пролить свет на важные аспекты социальных процессов, разрушающих общественные блага.

Приложение

Определение ключевых собственников

Не полагаясь на заранее определённые критерии различения значимых и второстепенных собственников, мы применили кластерный анализ. Чтобы оценить распределение предприятий согласно концентрации или дисперсии собственности, мы использовали иерархический кластерный анализ по методу Уорда для нахождения типовых структур собственности, основанных на долях акций, которыми владеют крупнейший собственник, следующий за ним по величине собственник, третий, четвёртый и пятый, за каждый год существования компании. Поскольку рассеянная собственность крайне редка в нашем списке крупнейших предприятий, то для представления структуры собственности достаточно модели, состоящей из двух кластеров. Структура собственности с доминирующим собственником приходится на 45% предприятий за все годы. В этом первом кластере доминирующий собственник владеет в среднем 98% акций, а следующий за ним собственник владеет лишь менее 2% акций. Вторые по значимости собственники в этом кластере не кодировались как значимые. Второй кластер представляет коалиционную структуру, в которой самый крупный собственник владеет в среднем 51% акций, а второй собственник — 25% акций. Для предприятий в этом кластере мы закодировали как первого, так и второго собственника в качестве значимого.

Литература

- Anderson C. J., Wasserman S., Crouch B. 1999. A p^* Primer: Logit Models for Social Networks. *Social Networks*. 21 : 37–66.
- Borocz J., Rona-Tas A. 1995. Small Leap Forward: Emergence of New Economic Elites. *Theory and Society*. 24: 751–781.
- Burris V. 2001. The Two Faces of Capital: Corporations and Individual Capitalists as Political Actors. *American Sociological Review*. 66: 361–381.
- Burris V. 2005. Interlocking Directorates and Political Cohesion among Corporate Elites. *American Journal of Sociology*. 111: 249–283.
- Clawson D., Neustadt A., Scott D. 1992. *Money Talks: Corporate PACs and Political Influence*. New York: Basic Books.
- Davis G. F., Greve H. R. 1997. Corporate Elite Networks and Governance Changes in the 1980s. *American Journal of Sociology*. 103:1–37.

- Eyal G., Szelenyi I., Townsley E. 1998. *Making Capitalism without Capitalists: Class Formation and Elite Struggles in Post-Communist Central Europe*. London: Verso.
- Figyelő. 2002. *Kétszázak klubja 2001*. In: Figyelő Top 200.
- Fligstein N. 2008. *Theory and Methods for the Study of Strategic Action Fields*. Unpublished Manuscript. Berkeley: University of California.
- Gulati R., Westphal J. D. 1999. Cooperative or Controlling? The Effects of CEO-Board Relations and the Content of Interlocks on the Formation of Joint Ventures. *Administrative Science Quarterly*. 44: 473–506.
- Haunschild P. R. 1998. When Do Interlocks Matter? Alternate Sources of Information and Interlock Influence. *Administrative Science Quarterly*. 43: 815–844.
- Ingram P., Robinson J., Busch M. L. 2005. The Intergovernmental Network: IGO Connectedness, Governance, and Embeddedness. *American Journal of Sociology*. 111: 824–858.
- Juhász G. 2001. *Partpenzugyek (Party Finances)*. Budapest: Aula.
- Keister L. A., Cornwell B. 2009. The Origin of Influence Hierarchies: The Role of Visible and Obscure Status Characteristics in the Emergence of Elite Social Hierarchies. *Sociological Analysis*. 2: 5–27.
- McMenamin I., Schoenman R. 2007. Together Forever? Explaining Exclusivity in Party-Firm Relations. *Political Studies*. 55: 153–173.
- Mintz B., Schwartz M. 1981. Interlocking Directorates and Interest Group Formation. *American Sociological Review*. 46: 851–869.
- Mintz B., Schwartz M. 1985. *The Power Structure of American Business*. Chicago: University of Chicago Press.
- Mizruchi M. S. 1989. Similarity of Political Behavior among Large American Corporations. *American Journal of Sociology*. 95: 401–424.
- Mizruchi M. S. 1990a. Cohesion, Structural Equivalence, and Similarity of Behavior: An Approach to the Study of Corporate Political Behavior. *Sociological Theory*. 8: 16–32.
- Mizruchi M. S. 1990b. Similarity of Ideology and Party Preference among Large American Corporations: A Study of Political Action Committee Contributions. *Sociological Forum*. 5: 213–240.
- Mizruchi M. S. 1992. *The Structure of Corporate Political Action: Interfirm Relations and Their Consequences*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Mizruchi M. S. 2007. Political Economy and Network Analysis: An Untapped Convergence. *Sociologica*. 2: 1–27.
- Mizruchi M. S., Stearns L. B. 1988. A Longitudinal Study of the Formation of Interlocking Directorates. *Administrative Science Quarterly*. 33:194–210.

- Mizruchi M. S., Stearns L. B., Marquis Ch. 2006. The Conditional Nature of Embeddedness: A Study of Borrowing by Large U.S. Firms, 1973–1994. *American Sociological Review*. 71: 310–333.
- Moody J. 2001. Race, School Integration, and Friendship Segregation in America. *American Journal of Sociology*. 107: 679–716.
- Neustadtl A., Clawson D. 1988. Corporate Political Groupings: Does Ideology Unify Business Political Behavior? *American Sociological Review*. 53: 172–190.
- Newman M. E. J. 2002. Assortative Mixing in Networks. *Physical Review Letters*. 89 (20): 208701.
- Nyíró A., Szakadát I. 1993. *Politika Interaktív CD-ROM*. Budapest: Aula.
- Padgett J. F., McLean P. D. 2006. Organizational Invention and Elite Transformation: The Birth of Partnership Systems in Renaissance Florence. *American Journal of Sociology*. 111: 1463–1568.
- Quillian L., Campbell M. E. 2003. Beyond Black and White: The Present and Future of Multiracial Friendship Segregation. *American Sociological Review*. 68: 540–566.
- Schoenman R. 2005. Captains or Pirates? State-Business Relations in Post-Socialist Poland. *East European Politics and Societies*. 19: 40–75.
- Stark D. 1996. Recombinant Property in East European Capitalism. *American Journal of Sociology*. 101: 993–1027.
- Stark D., Bruszt L. 1998. *Postsocialist Pathways: Transforming Politics and Property in East Central Europe*. New York: Cambridge University Press.
- Stark D., Vedres B. 2006. Social Times of Network Spaces: Network Sequences and Foreign Investment in Hungary. *American Journal of Sociology*. 111: 1367–1411.
- Useem M. 1986. *The Inner Circle: Large Corporations and the Rise of Business Political Activity in the US and UK*. Oxford, UK: Oxford University Press.
- Vedres B., Stark D. 2010. Structural Folds: Generative Disruption in Overlapping Groups. *American Journal of Sociology*. 115: 1150–1190.
- Wasserman S., Pattison Ph. 1996. Logit Models and Logistic Regressions for Social Networks. I. An Introduction to Markov Graphs and p^* . *Psychometrika*. 61: 401–425.